

«Коловрат. Нить времени»
Книга вторая. Навь

Наталья Князева

Наталья Князева
«Коловрат. Нить времени»
Книга вторая. Навь

<https://litres.ru/74263063>

SelfPub; 2026

Аннотация

Наталья прошла через девять врат и вернулась в мир, который стал для неё иным. Позади — запах полыни, комета Атлас и белая скала, где она встретила Род. Впереди — новая угроза. Тёмный волхв, падший хранитель, и тайное общество, охотящееся за артефактами, готовы сделать всё, чтобы врата закрылись навсегда.

Звонок от потомка Рюрика меняет всё. Последний ключ, спрятанный тысячу лет назад, ждёт своего часа. Карта древних жрецов ведёт через запретные рукописи, забытые артефакты и сакральные места славянского мира. Чтобы завершить круг, Наталья должна принять выбор, от которого зависит судьба не только её Рода, но и всех миров. Цена за знание никогда не была выше.

«Там, где кончается карта, начинается новый путь».

«Коловрат. Нить времени» — вторая книга цикла, где мистика переплетается с древними знаниями, а тишина становится проводником к истине. Это история о плате за память, о силе Рода

и о том, что даже в самой тёмной ночи можно найти свет, если
знать, куда смотреть.

Содержание

ПРОЛОГ. СЕВЕРНЫЙ КРЕСТ	5
ГЛАВА 1. ЗОВ ИЗ НОВГОРОДА	10
ГЛАВА 2. КРЕМЛЬ И ТАЙНЫ	15
ГЛАВА 3. ЗАПРЕТНЫЕ РУКОПИСИ	19
ГЛАВА 4. СКАЗКИ И ТЕНИ	24
ГЛАВА 5. ДИВНОГОРЬЕ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Князева

«Коловрат. Нить времени»

Книга вторая. Навь

ПРОЛОГ. СЕВЕРНЫЙ КРЕСТ

«Когда Северный крест проходит через небесный меридиан, время останавливается. И тогда можно перейти грань. Но не каждый, кто смотрит на звёзды, видит врата. только тот, кто умеет слышать тишину»

— *Из жреческих манускриптов*

Новгород. Кремлёвская стена. Ночь с 9 на 10 апреля 2026 года.

Холодный ветер с Волхова нёс запах мокрого камня, сырой земли и чего-то ещё — древнего, забытого, как время, которое накопилось здесь за тысячи лет. Артемий стоял у кремлёвской стены, глядя вверх, на звёздное небо. Его пальцы сжимали старый свиток, и он чувствовал, как бумага нагревается от тепла его руки. Он не торопился. Он ждал.

Над горизонтом, чуть левее Полярной звезды, горел Се-

верный Крест. Созвездие Лебеда. Артемий смотрел на него так, как смотрели жрецы тысячи лет назад — не как на красивый рисунок на небе, а как на инструмент. Систему координат. Ноль-пункт, по которому они сверяли время, открывали врата и находили дорогу домой.

Он вспомнил, как в детстве его дед водил его на берег Волхова и показывал ему это созвездие. *«Смотри, внук, — говорил он, — это не просто звёзды. Это наши часы. Наш компас. Наша память. Когда ты научишься читать их, ты сможешь читать всё»*. Тогда Артемий не понимал. Теперь — понимал.

Он провёл пальцем по свитку. Бумага была шершавой, с выцветшими чернилами, которые складывались в линии — те же, что на осколках, те же, что на кулонах. Он знал этот свиток наизусть, но каждый раз, когда он касался его, он чувствовал, как внутри него закипает что-то древнее. Память Рода. Кровь Рюрика.

Он знал, что она придёт. Он чувствовал это так же ясно, как чувствовал ветер на лице, как слышал шум воды, как ощущал тяжесть свитка в руках. Наталья. Последняя из Хранителей. Та, кто прошла через девять врат, кто сломала иглу старого времени, кто открыла то, что было закрыто тысячи лет.

— Ты идёшь, — сказал он в пустоту. — Я знаю. Я ждал тебя.

В этот момент он почувствовал это. Холод. Не ветер —

холод, который исходил из-за его спины, как дыхание открытой могилы. Он не обернулся. Он знал, кто стоит за ним.

— Она не даст вам закрыть врата, — сказал Артемий, обращаясь не к звёздам, а к тому, кто ждал его тени.

Голос был низким, ровным, без эмоций. Тёмный волхв стоял в нескольких шагах от него, и его одежда не шевелилась на ветру, как будто он был частью самой ночи.

— Она думает, что знает, что делает, — сказал Тёмный. — Она думает, что восстанавливает нить. Она не знает, что открывает. За вратами не только свет, Артемий. Там хаос. Там то, что уничтожило Дей. И если она откроет их снова, этот мир падёт.

Артемий медленно повернулся. Теперь он видел лицо — бледное, с глазами, в которых горел тот же холодный свет, что у кометы. Он видел шрам на его руке — такой же, как у него самого. Плата за хранение.

— Ты боишься, — сказал Артемий. — Ты всегда боялся. Ты боишься, что она окажется сильнее тебя. Что она увидит то, что ты не смог увидеть. Ты боишься, что она не испугается.

— Я пытаюсь спасти этот мир, — ответил Тёмный волхв. — Ты — пытаешься его уничтожить. Рюрик спрятал это знание не для того, чтобы его нашли. Он спрятал его, чтобы никто никогда не смог открыть врата. Ты идёшь против воли своего предка.

— Рюрик спрятал знание, — сказал Артемий, и голос его

был твёрже, чем он ожидал. — Но он также оставил ключи. Он знал, что придёт время. Что кто-то должен будет найти их. Он оставил их для неё. Для той, кто сможет завершить круг.

Он поднял свиток, показывая его Тёмному волхву.

— Это — карта. Карта последнего ключа. И я передам её ей. Потому что она — та, кто должна держать нить. Не ты. Не я. Она.

Тёмный волхв шагнул вперёд. Воздух вокруг него стал плотнее, как будто время сгущалось в одной точке.

— Я не позволю тебе, — сказал он.

Артемий улыбнулся. В этой улыбке не было страха — только усталое спокойствие человека, который знает, что его время почти вышло, но который успеет сделать то, что должен.

— Ты уже позволил, — сказал он. — Потому что, пока мы говорим, я уже передал ей знак. Она знает, где искать. Она придёт. И ты не сможешь её остановить.

Он шагнул назад, к стене, и скрылся в тени арки. Тёмный волхв остался стоять на пустом месте, глядя в ночь. Ветер стих, и в наступившей тишине он слышал только собственное дыхание — ровное, спокойное, как у человека, который уже принял поражение. Он знал: Артемий сказал правду. Она придёт. И он не сможет её остановить.

Над горизонтом Северный Крест горел холодным, ровным светом. И в этом свете Тёмный волхв чувствовал то же,

что чувствовал Артемий, когда стоял у стены. Время сжималось. Оно собиралось в точку, как вода в воронке. И где-то там, в этой точке, лежал выбор. Выбор, который изменит всё.

Он повернулся и ушёл в ночь, оставив после себя только запах полыни и горелой земли.

Сочи. 12 апреля 2026 года. Дом Натальи. Рассвет.

Она проснулась от того, что за окном кричали чайки. Серый свет сочился сквозь неплотно задёрнутые шторы, и Наталья лежала, глядя в потолок, чувствуя, как внутри неё разливается странное спокойствие — не тревога, не страх, а тихое знание, что что-то изменилось. Что мир стал другим.

Она села, провела ладонью по лицу. На столе лежал осколок — тот самый, что она нашла больше года назад. Она взяла его в руки, и он отозвался — ровным, глубоким теплом, как живое сердце. Она поднесла его к глазам, и в его глубине она увидела не линии, не карту — а новую, тонкую, серебристую нить. Она вела от края к центру, изгибаясь, как русло реки. Она вела в созвездие Лебедя. К тому, что ждало её там, где кончалась карта.

Наталья сжала осколок в руке и улыбнулась в серый утренний свет.

— Я иду, — сказала она в пустоту. — Я знаю. Я готова.

ГЛАВА 1. ЗОВ ИЗ НОВГОРОДА

«Иногда тишина говорит громче слов. И тогда голос, который ты слышишь звучит не в ушах — костях»

Сочи. 13 апреля 2026 года.

Тепло разлилось по пальцам — осколок на тумбочке пульсировал золотистым светом, как дыхание спящего. На тумбочке лежал целый — три части, соединённые в одно, — и в его глубине мерцал ровный, живой свет. Пальцы сами потянулись к нему, и осколок отозвался — слабой вибрацией, которая пробежала от кончиков пальцев к запястью, а потом разлилась по груди, как прикосновение родной руки. Это чувство было знакомым с самого первого дня, когда она нашла его между страниц старой энциклопедии.

В комнате было тихо. Серый свет сочился сквозь шторы, и море за окном дышало ровно, без тревоги. Чайки кружили над водой, и их крики доносились приглушённо, будто сквозь вату. Ровно тринадцать месяцев прошло с того дня, когда она впервые увидела комету. Ровно тринадцать месяцев с тех пор, как начался её путь. И внутри поднималось

странное спокойствие — не усталость, не тревога, а тихое знание, что он ещё не закончился.

Осколок в руке стал теплее. Она поднесла его к глазам, и в глубине, за отражением, проступила новая линия — тонкая, серебристая, как паутина. Она вела от края к центру, изгибаясь, как русло реки. Пальцы скользнули по её поверхности, и она отозвалась — слабым, едва заметным теплом. Линия вела в созвездие Лебедя. Туда, где Северный Крест горел холодным, ровным светом.

— Ты знаешь, куда ведёшь, — сказала она вслух. — Ты всегда знала.

Осколок не ответил, но его пульс совпадал с биением сердца — он был частью её, и она чувствовала это.

На кухне закипел чайник. Наталья заварила чай, и запах мяты смешался с утренней сыростью. Марс поднял голову, посмотрел на неё, потом снова уткнулся носом в лапы. На столе лежала бабушкина записка — пожелтевшая, с выцветшими чернилами, перевязанная выцветшей ниткой. Развернула её — и слова, которые она знала наизусть, всплыли в сознании:

«Наташенька, время пришло. 27 и 30 — ключи. Смотри в осколок не на себя — сквозь. Жёлтая планета ждёт. Я рядом».

В сотый раз она перечитала эти строки, но теперь видела больше: числа 27 и 30 — не просто цифры. Координаты времени и пространства. Кожа помнила это ощущение — вра-

щение Коловрата в первую ночь, гул времени в тишине.

Телефон завибрировал в руке. Незнакомый номер. Поднесла к уху — голос был низким, уверенным, с хрипотцой.

— Наталья Сергеевна? Меня зовут Артемий. Я — потомок Рюрика.

В груди всё замерло. Потомок Рюрика — это имя всплыло в сознании, как отголосок древнего сна.

— Откуда вы знаете мой номер?

— Ваша бабушка оставила его мне. Она знала, что когда-нибудь я вам понадобится. Это время настало. Я знаю, где находится последний ключ. Не тот, что открывает ворота. Тот, что их закрывает. Или открывает снова. Выбор за вами.

— Что вы имеете в виду?

— Я не могу говорить по телефону. За мной следят. За вами тоже. Приезжайте в Новгород. У кремлёвской стены, у тропы к Волхову. Через два дня. Если выживете.

Трубка замолчала. Слова бабушки всплыли в сознании: «*Время пришло*». Сомнений не было — она должна ехать. Осколок в руке пульсировал — тёплый, живой.

Пальцы сами набрали номер Дарьи.

— Мам, что случилось?

— Я должна ехать в Новгород. Мне позвонил человек — потомок Рюрика. Он знает, где последний ключ. За мной следят. За ним тоже. Я должна быть там через два дня.

— Я с тобой. Мы валькирии.

— Мы валькирии. Собирай вещи. Мы выезжаем сегодня.

Звонок оборвался. Наталья подошла к окну — и замерла. Внизу, у самого подъезда, стояла чёрная машина без номеров. Двое в чёрном вышли, направляясь к подъезду. Марс вскочил, зарычал — глухо, предупреждающе. Шерсть на его загривке встала дыбом.

— Быстро, — сказала она ему. — Мы уезжаем.

Чёрный ход распахнулся. Наталья выбежала, сжимая осколок. Марс бежал рядом — его дыхание было ровным, тяжёлым. Дарья ждала у машины, с рюкзаком в руках.

— Садись.

Машина рванула с места. В зеркале заднего вида — фары чёрной машины, неотступные, быстрые. Адреналин залил тело холодом. Вспомнила первую погоню, в Сочи, когда только нашла осколок. Тогда она не знала, что за ней охотятся. Теперь знала.

— Держись!

Машина петляла по узким улицам, вылетела на трассу. Фары преследователей исчезли за поворотом. Тишина.

На обочине — тишина. Руки дрожали, но внутри было спокойно.

— Мы оторвались, — сказала Дарья.

— Пока.

Осколок в кармане пульсировал — тёплый, живой. Охота началась. Пути назад не было.

Мотор загудел — трасса уходила в ночь. Впереди был Новгород. Впереди был Артемий. Впереди — последний

КЛЮЧ.

ГЛАВА 2. КРЕМЛЬ И ТАЙНЫ

«Плата за хранение всегда приходит неожиданно. Ты думаешь, что расплатился, а потом понимаешь: ты только начал платить».

— Артемий

Новгород. 15 апреля 2026 года.

Новгород встретил их на рассвете. Ветер с Волхова нёс запах мокрого камня, старой древесины и сырой земли — запах, который, казалось, пропитал эти стены на тысячу лет. У кремлёвской стены она стояла, глядя на реку. Внутри разливалось странное, ровное спокойствие — не знание, а предчувствие. Что ждёт впереди — неизвестно. Но она знала: должна быть здесь.

Марс сидел у её ног, и его уши были насторожены. Он чувствовал это место. Он знал его. Рядом стояла Дарья, сжимая в руке кулон с Лебедем. Ветер шевелил её волосы, и Наталья смотрела на неё, и внутри поднималось что-то — не страх, не удивление, а тихое, ровное знание.

— Мы здесь, — сказала она.

Тропа к Волхову начиналась у самой стены. Она подошла туда, и ветер шевелил сухую траву. В его шорохе слышался

тот же гул, что и в тишине — ровный, глубокий, как дыхание земли. Он должен был прийти — она знала это.

Из тени шагнула фигура. Человек в чёрном плаще, высокий, с сединой на висках, с глазами, которые смотрели на неё с той же серьёзностью, с какой смотрела Хранительница Алтая. Похожий на портреты Рюрика — тот же разрез глаз, та же линия губ. Внутри поднималось холодное, ровное спокойствие.

— Я знал, что ты придёшь, — сказал он. — Я ждал тебя. Меня зовут Артемий. Я — потомок Рюрика.

На его ладони — шрам, когда он протянул руку. Такой же, как у Алексея Михайловича, такой же, как у Родомира в прологе. Ладонь отозвалась теплом — он узнавал её прикосновение. Палец скользнул по шраму, и он отозвался слабой вибрацией — как будто живой. Плата за хранение — она поняла это без слов.

— Плата за хранение, — сказал он, перехватив её взгляд. — Всегда есть плата. Я хранил этот свиток тридцать лет. Каждый раз, когда я касался его, он забирал частицу моего времени. Не жизни — времени. Я стал старше, чем должен был быть. Но я не жалею.

Из-под плаща появился старый свиток. Свиток в руках отозвался ровным, глубоким теплом, как живое сердце. Развернула — и на пожелтевшей бумаге проступили линии. Те же, что на осколках, те же, что на кулонах. Они вели к созвездию Лебеда, к точке, которую она видела во сне. И внизу

— числа: 27, 30, 57. И новая строка: «*Сокол укажет путь*». Взгляд приковал свиток — она не могла оторваться.

— Что это?

— Карта последнего ключа, — ответил Артемий. — Рюрик не просто спрятал знание. Он создал систему, которая могла открыть врата только в определённое время. Ты прошла через восемь. Остался последний. Он находится там же, где начинался твой путь. На острове Руян. В пещере, которую ты помнишь.

— Почему Рюрик спрятал знание?

— Потому что знание — это оружие. Он видел, что за вратами. Не только свет. Хаос. Миры, которые не должны соприкасаться. Сущности, которые не должны знать о нашем существовании. Он пришёл на Русь не завоевывать. Он пришёл прятать. Чтобы никто не нашёл. Чтобы врата остались закрытыми навсегда.

— Но ты хочешь, чтобы я их открыла.

— Я хочу, чтобы ты выбрала. Выбор всегда был за тобой. Ты прошла через девять врат. Ты встретила Род. Ты получила благословение. Ты — та, кто держит нить.

Ветер стих, и в наступившей тишине слышался только пульс — ровный, сильный. И гул времени, звучащий внутри, как обещание.

— Я сделаю это. Я пойду на Руян. Я найду последний ключ. И я выберу.

Артемий кивнул, и в его глазах мелькнула тень улыбки.

— Тогда иди. Но помни: ты не одна. Я рядом. Я буду ждать тебя в центре.

Он повернулся, но остановился. Взгляд его был твёрд.

— Рюрик был не просто князем. Он был Хранителем. Его имя — Рарог, что значит «сокол». Сокол у славян — символ связи между мирами. Он пришёл не завоевывать. Он пришёл прятать. Знание, которое могло уничтожить мир. И теперь ты — та, кто должна решить, что с ним делать.

Он ушёл, растворившись в тени кремлёвской стены, как дым. Свиток в руках пульсировал в такт с сердцем. Внутри поднималось что-то — не страх, не удивление, а холодное, ровное понимание.

— Мы едем на Руян, — сказала она Дарье. — Мы идём до конца.

Рядом стояла Дарья. Наталья повернулась к ней.

— Мы готовы, — сказала Дарья.

На полпути к машине Наталья остановилась. Чей-то взгляд — тяжёлый, изучающий — коснулся спины. За спиной — никого. Только пустой кремлёвский двор. Это не иллюзия — она знала.

Дверца машины открылась. Наталья села за руль. Марс прыгнул на заднее сиденье. Дарья села рядом. Мотор загудел — машина тронулась. Осколок в кармане пульсировал в такт с сердцем. Готовы — она знала это. Осколок прижался к груди — тёплый, пульсирующий. В темноте мелькнула улыбка.

— Мы идём до конца.

ГЛАВА 3. ЗАПРЕТНЫЕ РУКОПИСИ

«Знание, которые сжигают, не исчезает. Оно остаётся в памяти тех, кто его читал. И ждёт когда его прочитают снова»

Новгород — Москва. 18 апреля 2026 года.

Второй день шёл дождь. Серый, холодный, он заливал дорогу, превращая её в бесконечное мокрое полотно. Фары машины выхватывали из темноты только белые линии разметки, которые убегали в никуда. За рулём Наталья сжимала руль. Осколок в кармане пульсировал в такт с сердцем. Линии разметки казались продолжением нитей из осколка — тонких, серебристых, ведущих вперёд.

Рядом, глядя на дорогу, сидел Артемий. Он молчал — его молчание было не пустым, а наполненным. Дарья спала на заднем сиденье, укрывшись пледом. Марс лежал у её ног, и его дыхание было ровным, спокойным.

— Мы едем в Москву, — сказал Артемий, не оборачиваясь. — К потомку историка Степанова. Он хранит рукописи, которые могут нам помочь. Славянские переводы хроники

Никифора. Там есть упоминание о каменной книге, спрятанной на Алтае. В ней записана история планеты Деи.

Внутри что-то дрогнуло, когда она услышала это имя. Планета Дея — из видений, из снов, из моментов, когда осколок показывал скрытое. Имя отзывалось в крови — как будто она носила его с рождения.

— Я знаю о Дее, — сказала она. — Я видела её. В своих снах. В осколке. Она была разрушена. Война богов. Осколки упали на Землю.

— Именно, — кивнул Артемий. — И каменная книга описывает, как это произошло. И как можно восстановить то, что было утеряно.

К вечеру они приехали в Москву. Серое небо, мокрый асфальт, запах осенней листвы — город встретил их. Особняк потомка Степанова стоял в тихом переулке, скрытый от глаз высокими деревьями. Из машины Наталья смотрела на него. Осколок в кармане становился теплее. Он узнавал место.

— Здесь, — сказала она. — Он ждёт нас.

Дождь коснулся лиц холодными каплями, когда они вышли. Осколок в руке был тёплым. Она сжала его. Марс шёл впереди, пригнувшись к воздуху, его уши были насторожены. Артемий уже подошёл к двери и постучал.

Внутри особняка пахло старой бумагой, воском и табаком. Было тихо. Потомок историка Степанова встретил их в гостиной, где висели портреты предков. Высокий, седой, с усталыми глазами, которые зажглись, когда он увидел На-

талью.

— Вы пришли. Я знал, что вы придёте. Мой прадед говорил, что когда-нибудь кто-то из рода явится за этим.

На столе лежала стопка бумаг, перевязанных тесёмкой. Пожелтевшие листы ждали её прикосновения. Она провела пальцем по бумаге — она была шершавой, с выцветшими чернилами. От них исходило ровное тепло, как будто бумага дышала. Тесёмка развязалась — и перед ней открылись страницы, исписанные древним, почти нечитаемым почерком.

— Это рукописи. Переводы хроники Никифора. Мои предки хранили их сотни лет. В них — записи о том, что было до нас. О том, что мы забыли. О Тридевятиом царстве. О планете Дее. И о том, как её осколки упали на Землю.

Взгляд упал на строки, которые, казалось, светились в темноте. Слова складывались в картинку — невидимую, но осязаемую.

— Здесь написано, — сказала она, читая вслух, — что Тридевятое царство — не сказка. Это название Альдебарана-57. Системы, откуда пришли наши предки. Дея была разрушена в войне богов. Её осколки упали на Землю. Один — в сундуке Кощея на Урале. Другой — на Алтае, там, где камень поёт.

Артемий подошёл ближе, заглянул через её плечо. Он молчал — его молчание было не пустым.

— Это значит, что мы на правильном пути, — сказала она. В этот момент за окном послышался шум. Машина. У ок-

на она выглянула сквозь штору — и увидела. На улице стояла чёрная машина. Двое в чёрном направлялись к дому.

— Они здесь. Быстрее! Нам нужно уходить.

Потомок Степанова побледнел, но не двинулся с места. Он посмотрел на неё — в его глазах была печальная покорность.

— Забирайте. Это всё, что осталось от моего Рода. Я не могу их спасти. Но вы сможете.

Бумаги уже были в руках, когда дверь с грохотом распахнулась. В комнату ворвались двое в чёрном, с оружием в руках. Марс зарычал, бросился на одного, вцепившись зубами в рукав. Тот закричал, и в суматохе Наталья рванула к задней двери. Артемий схватил Дарью за руку — они выбежали в сад.

Сзади — шаги, крики, но они уже были на улице. Артемий заводил машину. Марс запрыгнул на заднее сиденье. Дарья закрыла дверь. Бросила взгляд назад — и увидела, как двое в чёрном тащат потомка Степанова в свою машину. Он не кричал, не сопротивлялся — он просто смотрел на неё с печальной покорностью.

— Остановись! Мы не можем его бросить!

— Мы не можем ему помочь. Если мы остановимся, нас убьют всех. И тогда его жертва будет напрасной.

Машина вылетела на пустынную улицу. Город исчезал в зеркалах заднего вида. На заднем сиденье Наталья сжимала рукописи. Рукописи прижались к груди — холодные, но жи-

вые. Они отзывались на прикосновение — слабо, но ощути-
мо.

— Что в них? — спросила она, глядя на Артемия.

— Карта. Карта к девяти мирам. К Тридевятому царству.
И к тому, что ждёт нас за ним. Сейчас они у нас. Это главное.

Он замолчал. В тишине машины слышался далёкий вой
ветра — как будто кто-то звал её. Голос был древним и зна-
комым.

— Мы должны найти каменную книгу. На Алтае. Там, где
камень поёт.

— Завтра мы едем туда.

Бумаги в руках были тёплыми, почти горячими. В их глу-
бине пульсировали нити времени. Нити соединялись с теми,
что на осколке, с теми, что на свитках. Всё было связано. Всё
вело к одному.

Рукописи прижались к груди. В темноте мелькнула улыб-
ка.

— Мы идём до конца.

ГЛАВА 4. СКАЗКИ И ТЕНИ

«Сказки не врут. они просто говорят, на языке, который мы забыли, но помнит наша кровь. Девочка идёт к дому — это путь души из Нави в Явь. И ты уже прошла его, Наталья. Ты просто не знала, что это он».

— *Артемий*

Москва. 19 апреля 2026 года.

Номер в дешёвой гостинице на окраине города стал их убежищем. Той, где не спрашивают документов и не смотрят в глаза. На кровати, среди разложенных рукописей, Наталья чувствовала, как от них исходит ровное тепло. Пожелтевшие страницы отзывались на её прикосновение — слабой, едва заметной вибрацией, как будто бумага помнила пальцы тех, кто держал её столетия назад. В кресле у окна Артемий смотрел на пустую улицу, всматриваясь в темноту, где могли прятаться глаза. На соседней кровати спала Дарья, укрытая тонким одеялом. У двери лежал Марс, его уши были насторожены, он слушал то, что было скрыто от людей.

— Здесь есть ещё кое-что, — сказал Артемий, не оборачиваясь. — В рукописях Степанова. Не только о Дее. О том, как мы должны идти.

Взгляд Натальи поднялся от страниц.

— Что ты имеешь в виду?

Артемий повернулся, и в его глазах горел тот же свет, что и в осколке.

— Ты помнишь сказку «Гуси-лебеди»?

— Конечно. Мама читала мне её в детстве. Девочка ищет брата, которого унесли птицы. Встречает печку, яблоню, речку. А в конце — Бабу-Ягу.

— А что, если это не про поиски? — сказал он. — Что, если это про возвращение? Девочка идёт не от дома, а к дому. Каждый шаг — слой. Печка, яблоня, речка — переходы. Баба-Яга — Хранительница врат. Она не злая, она проверяет. Она ждёт, когда кто-то сможет пройти.

В памяти всплыл разговор с Дарьей в парке — тогда они обсуждали эту сказку. В начале пути она только начинала понимать, что сказки говорят на другом языке. Теперь знала: этот язык — карта перехода между мирами.

— Ты хочешь сказать, что это путь. Из Яви в Навь и обратно.

— Именно. Девочка идёт от дома через лес к избушке на курьих ножках и возвращается. Это шаманская инициация. И ты уже прошла через это, Наталья. Ты была той девочкой. Ты прошла через врата, встретила Хранительницу Алтая, прошла через девять миров. Теперь ты должна понять, что это значит.

Рукописи прижались к груди — они пульсировали в такт

с сердцем. Все испытания, все платы, все потери — она помнила их. Центр Коловрата — она помнила, как стояла там, когда время вращалось вокруг неё.

— Я помню. Я помню всё.

Артемий развернул один из свитков. На нём были линии — те же, что на осколках, те же, что на карте. Но теперь они складывались в другой узор. Не только Коловрат — в центре проступала женщина с распростёртыми руками. Макошь. Изображение смотрело на неё, и внутри поднималось узнавание — та самая, что приходила в видениях, та, что стояла на краю белой скалы.

— Это Макошь, — сказал Артемий. — Пряха Судеб. Хозяйка перекрёстков. Она стоит на границе между мирами. Она прядет нити судеб и провожает души в Навь. Она была с тобой с самого начала.

— Я видела её, — сказала Наталья. — В своих снах. В осколке. Она ждала меня.

— Да, — ответил Артемий. — Она ждала тебя. И теперь ты знаешь, что должна делать. Рюрик спрятал каменную книгу в Дивногорье. Там, где «камень поёт». Ты должна найти её, чтобы завершить то, что начала.

Он замолчал. В тишине слышался далёкий вой ветра — как будто кто-то звал её. Голос был древним и знакомым.

В этот момент раздалось тихое, предупреждающее рычание у двери. Марс встал, прижимая уши к голове. У двери она приложила ухо к дереву — тишина. Потом — звук, по-

хожий на трение металла о дерево. Кто-то пытался открыть замок.

— Они здесь, — сказала она.

Артемий схватил свитки — Дарья уже вскочила. Рукописи в руках — и они выскользнули через заднюю дверь. Марс бежал впереди, приносясь к воздуху. Лестница, задний двор — машина уже стояла с работающим мотором. Мотор загудел — они выехали на пустынную улицу. Фары мелькнули в зеркале, но исчезли за поворотом. На заднем сиденье она сжимала рукописи — они пульсировали в такт с сердцем. В глубине сознания складывалась картинка — она знала, что они на правильном пути.

— Мы едем в Дивногорье, — сказала она. — Там — следующий ключ. Я чувствую это.

Артемий кивнул. В его глазах была та же решимость, что и у неё.

— Мы едем.

Машина неслась по пустым улицам. Фары выхватывали из темноты мокрый асфальт. Город оставался позади. Это только начало — она знала. Охота продолжалась. Теперь пути назад не было

ГЛАВА 5. ДИВНОГОРЬЕ

«Камень поёт, когда его касается тот, кто помнит. И тогда он рассказывает то, что не записано в книгах».

Дивногорье. 25 апреля 2026 года.

Закат застал их у белых скал. Меловые утёсы, прорезанные трещинами, поднимались из земли, как кости древнего великана, и горели в лучах уходящего солнца — казалось, внутри них тлел огонь. Из машины она вышла, и ветер ударил в лицо — сухой, прохладный, с запахом мела, камня и древней пыли. Осколок в кармане пульсировал, нагреваясь, он знал это место. Он ждал его.

— Это здесь, — сказала она. — Я чувствую. Здесь «камень поёт».

Из машины вышел Артемий. Его лицо было бледным, но глаза горели. Белые скалы отражались в них, как в осколке.

— Я знаю это место, — сказал он. — Я читал о нём. В рукописях Степанова. В хрониках Никифора. В книге Мавро Орбини «Славянское царство». Он писал, что наши предки владели большей частью Европы и Азии. Что они стро-

или храмы в камне, которые «пели», когда ветер проходил через их трещины. Я думал, это метафора. Теперь вижу — это правда.

— Мавро Орбини? — переспросила Дарья, подходя ближе. — Тот, чью книгу запретил Ватикан?

— Да. В 1601 году он издал «Славянское царство». В 1603-м книгу внесли в Индекс запрещённых. Она была приговорена к сожжению. Но некоторые экземпляры сохранились. Один был у Степанова. Теперь он у нас.

Белые скалы смотрели на неё. В сознании складывалась картина — тысячи лет назад здесь, в этих пещерах, жрецы прятали знание. Знание, которое должно было быть найдено. Знание, которое ждало её.

— Мы должны идти, — сказала она. — Внутри нас ждёт каменная книга.

Тропа вилась между скалами. Меловая крошка хрустела под ногами — мягкая, белая, как старая кость. С одной стороны вздымались утёсы, с другой — расстилалась степь, бескрайняя и молчаливая. Ветер шевелил сухую траву, и в его шорохе слышался тот же гул, что и в тишине — ровный, глубокий, как дыхание земли.

Марс бежал впереди, принохиваясь к воздуху. Он знал это место. Он чувствовал его.

— Он знает, куда идти, — сказала Дарья, глядя на него.

— Он всегда знал, — ответила Наталья.

Они вошли в расщелину. Воздух стал холоднее, сырее —

пахло камнем, глиной и временем. Жёлтый свет фонарика скользнул по стенам, выхватывая из темноты изображения. Спирали, люди в звериных масках, крылатые существа. И повсюду — Лебедь.

Коридор вывел их в большой зал. В центре лежали каменные плиты, сложенные в круг. На одной из них были выбиты руны — те же, что на свитках, те же, что на осколках.

— Каменная книга, — прошептала она.

На колени она опустила и провела пальцами по рунам. Они были холодными, но на прикосновение отзывались теплом. Линии под пальцами оживали, складываясь в узор — она не могла прочитать его, но чувствовала кожей.

— Я не знаю, что там, — сказала она, — но чувствую, что это — ключ.

Рядом опустился Артемий. Из кармана он достал увеличительное стекло и начал водить им по рунам. Пальцы двигались медленно, уверенно. Губы шевелились, шепча невидимые слова.

— Это она. Каменная книга. Не одна плита — их несколько. И каждая описывает один из миров.

Он перешёл к следующей плите. На ней были изображены линии, складывающиеся в Коловрат — восемь лучей, расходящихся от центра. В центре пульсировала золотистая точка.

— Девять миров, — сказал он. — Восемь лучей и центр. Девятый мир — точка схождения всех линий.

— Где этот центр?

Он покачал головой, но в глазах его горел тот же свет.

— Не здесь. Это место существует на пересечении миров. Чтобы попасть туда, нужно пройти через все врата. Ты уже прошла через них, Наталья. Ты знаешь, где они.

Она поднялась. Холод поднимался внутри — не страх, а узнавание. Подошла к третьей плите. На ней был вырезан Лебедь — птица, летящая вдоль Млечного Пути. Палец скользнул по его крылу, и камень отозвался теплом.

— Лебедь, — сказала она. — Он ведёт нас. Он всегда вёл.

— Да. Птица, которая соединяет миры. Но чтобы пройти по её пути, нужно восстановить нить времени. А для этого нужны осколки.

— Осколки Деи. Один — на Урале, в сундуке Кошья. Второй — у нас. И третий...

— Третий — на Руяне. Там, где начинался твой путь.

Кулон в руке стал горячим. Она знала — это правильно. Всё, что они сделали, вело к этому моменту.

В этот момент в пещере слышался чужой звук. Она обернулась. В проходе стояла фигура — человек в тёмном одеянии, с лицом, скрытым капюшоном. От него исходил холод, застывший вокруг него, как время, остановленное в одной точке. Тёмный волхв.

— Ты нашла её, — сказал голос. Низкий, ровный, без эмоций.

Артемий встал.

— Ты не должен был прийти.

— Я должен был. Я должен был остановить тебя. Ты не понимаешь, что открываешь. За вратами — хаос. Миры, которые не должны соприкасаться. Если ты откроешь их, ты уничтожишь всё.

— Ты ошибаешься, — сказала Наталья. — Я не открою хаос. Я восстановлю равновесие.

— Ты думаешь, что знаешь, что делаешь. Но ты не знаешь, что ждёт тебя там. Ты не знаешь, какую цену придётся заплатить.

Он шагнул вперёд. Холод стал плотнее. Артемий встал между Натальей и Тёмным. Его глаза горели золотистым светом.

— Ты не сделаешь этого. Не сегодня. Не здесь.

— Ты не сможешь остановить меня. Ты слабее, чем был.

— Может быть. Но я не позволю тебе причинить им вред.

Он поднял руки. Воздух засветился — золотистый свет смешался с серебряным, и пещера наполнилась гулом. Гулом времени, который она слышала в тишине — теперь реальным, осязаемым. Между ними вились тонкие нити света, переплетаясь и разрываясь.

— Сейчас! — крикнул Артемий, не оборачиваясь. — Снимите всё, что сможете! У вас есть минута!

Она поняла. Телефон в руке — камера заработала, снимая плиту за плитой. Рядом Дарья делала то же самое. Марс стоял у входа, рыча, готовый броситься на помощь.

— Ещё! — крикнул Артемий.

Последняя плита — и свет погас. Артемий упал на колени, его лицо было серым, как камень. Тёмный стоял над ним, в его глазах горел холодный свет.

— Бегите! — крикнул Артемий.

Она схватила Дарью за руку — они побежали. Марс бежал впереди, прокладывая путь через темноту. Коридоры петляли, как лабиринт. Сзади слышался гул — вибрация, проходящая сквозь камни. Тёмный волхв преследовал их.

Они выбежали из пещеры — ветер ударил в лицо, ночь встретила их темнотой и тишиной. Свет из пещеры — холодный, серебристый — остался там, не двигаясь.

— Он не вышел, — сказала Дарья.

— Он не может, — ответил Артемий, выходя следом. Он держался за плечо, между пальцев сочилась кровь. — Я оставил его. Но это стоило мне...

Он покачнулся и упал на колени. Она подбежала к нему, придерживая.

— Ты ранен.

— Это не важно. У нас есть фотографии. Каменная книга. Мы нашли её. Теперь мы знаем, что должны сделать.

Телефон в руке был тёплым, почти горячим. Внутри поднималось холодное, ровное спокойствие — они потеряли многое, но каменная книга была у них.

— Что теперь? — спросила Дарья.

— Теперь мы знаем. Мы должны найти сундук Кощея. На Урале. И осколок Деи.

Она повернулась к Артемию. Он уже поднимался, опираясь на неё.

— Мы едем на Урал. Сейчас. Через день. У нас осталось всего несколько дней.

Кулон в руке пульсировал в такт с сердцем. Они на правильном пути. Они не остановятся.

Стемнело, когда они спустились к машине. За рулём сидела Наталья, дорога уходила в темноту. Рядом — Артемий, зажимающий рану. Сзади — Дарья и Марс. Она сжала руль — время вокруг неё текло иначе, не быстрее и не медленнее, а по-другому, как будто она входила в новый слой реальности. Впереди — Урал. Сундук Кощея. Осколок Деи. И последний шаг.

Мотор загудел. Машина тронулась.

— Мы едем, — сказала она

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.